

Алиса Бруновна, по-моему, даже для вашей богатейшей творческой биографии роль в фильме «На Верхней Масловке» очень неожиданная?

- Моей героине под девяносто, а в романе - так и все 95 лет! Она издевается над Петей, которого играет Евгений Миронов, а он моет посуду, убирает, стирает, гладит, готовит, носит в починку ее ортопедические ботинки. Спорт с ней, отбивает ее едкие реплики, обижаются, даже пытается ухаживать. Но все равно возвращается. Потому что любит ее. Любит не за квартиру в центре, не за мастерскую, не за славу и титул. При всей своей агрессивности и скверности характера моя старуха тоже любит этого человека. Взаимное понимание рождается трудно. В этом - главная пружина и драматизм отношений.

- Что для вас было главным в этой работе?

- Для актрисы всегда главное - иметь что-то вроде внутренней антенны, приемника. Тогда сыграть можно все.

- Свою первую главную роль в кино вы, будучи уже известной актрисой, сыграли в картине Евгения Хринок «Анна и командор». Почему режиссеры так долго не видели вас в своих фильмах?

- Я очень много за свою жизнь участвовала в кинопробах. Как правило, побеждала своих конкуренток, после чего в фильме снималась другая актриса. Вновь приезжала в павильоны, проходила пробы и вновь получала отказы. Часто режиссеры выносили вердикт - «некиногенична». Но я не расстраивалась, так как всегда была занята в театре. Тем более что и себя считаю прежде всего театральной актрисой. А что касается фильма «Анна и командор», то тогда все, кому довелось состязаться в сарказме по поводу этой ленты, так или иначе выражали сожаление о моем участии в ней. Но, как говорили в режиссерском мире, эта картина в прах развеяла миф о моей некиногеничности.

- Режиссер Эльдар Рязанов как-то обмолвился о том, что постановка фильма «Служебный роман» целиком зависела от участия в нем Фрейндлих.

- Действительно, меня без проб утвердили на роль Людмилы Прокофьевны Калугиной, чему я весьма удивилась. До этого момента у нас не было никаких отношений с Рязановым, кроме того, что он не взял меня на роль Шурочки Азаровой в «Гусарской балладе». Тогда тоже отсняли пробы, но в последний момент он передумал и пригласил Ларису Голубкину. Прошло 15 лет. Фильм «Ирония судьбы» принес Рязанову оглушительный успех, и ему захотелось снять еще один добрый фильм про любовь. К тому времени пьеса «Служивцы», написанная Рязановым и Брагинским еще в 1970 году, с большим успехом шла в 134 театрах страны, по ней-то он и решил снять свой добрый фильм. Рязанов отправил мне в Ленинград пьесу с предложениями «руки и сердца», то есть с просьбой сыграть в его новом фильме главную роль без всяких проб. И я согласилась.

- В одном из интервью вы сказали, что еще в детстве грезили сценой и играли в театр. А были ли в вашей жизни люди или судьбы, которыми вы восхищались или хотели повторить?

- Так как я родилась в актерской семье, то вирус театра и музыки вселился в меня с первыми проблесками сознания. Мое первое впечатление о театре был «Евгений Онегин», дипломный спектакль в консерватории, которую заканчивала моя тетя. Позже, когда я уже училась в Ленинградском театральном институте имени Островского, мои впечатления о театре и кино оказались связаны с Марией Бабановой и Джульеттой Мазини. Эти две актрисы остались в моей памяти на всю жизнь. Большинство творческих людей всегда находятся под влиянием очарования каких-то знаменитых личностей и делают попытки быть похожими именно на этих кумиров. Потом это ускользает или остается на всю жизнь.

- Вы 22 года проработали в Театре имени Ленсовета, затем перешли в Большой драматический театр. А потом вдруг стали сотрудничать с режиссером Романом Виктюком, который считается скандальным, сыграли в его постановке «Осенние скрипки».

- А в каком отношении Виктюк считается скандальным? В том, что он смел и остр? Я люблю его спектакли. Мне интересна не его скандальность, что и не правда. Он достаточно глубок, как и Саймон, которого считали скандальным драматургом. Иначе Виктюк не тянул бы к себе такое количество зрителей. Когда он приезжает в Питер, то зал переполнен, как, впрочем, и когда мы с ним ездили за рубеж. Значит, в его творчестве

Алиса ФРЕЙНДЛИХ:

ФОТО ДМИТРИЯ ТКАЧЕНКО

РАБОТА И НЕРВЫ ПОЖИРАЮТ ВЕС ЛУЧШЕ ЛЮБОЙ ДИЕТЫ

Всю свою сценическую жизнь она остается блондинкой арбузовской мелодрамы, безгрешной кокеткой с незаметной жизнью. Хотя сама Алиса Фрейндлих, является самой, пожалуй, известной актрисой. Недавно она снялась в фильме по повести Дины Рубиной «На Верхней Масловке», где сыграла пожилую женщину, которая, несмотря на годы, сохранила, как и сама актриса, неиссякаемую нежность. Что это? Дар природы или профессиональное мастерство? Ответить на этот вопрос мы решили с помощью самой Алисы Фрейндлих.

существует глубина, которая и приводит к нему зрителя. Иногда в его режиссуре есть изысканность, иногда яркая театральность. И при этом присутствует масса подводных течений. Многие говорят, что спектакли Виктюка нужно смотреть не один раз, чтобы понять все его знаки.

- В вашей жизни есть заветная роль, которую вы еще не сыграли?

- Моя вечная актерская тоска по Булгаковской Маргарите. Жизнь странно распределила свои события, потому что, когда я могла играть ее по возрасту, этого нельзя было делать из-за цензуры. А когда стало можно, то я уже не могу стать Маргаритой. А сколько раз я читала этот роман! Даже сосчитать трудно. У меня есть любимые книги, которые могу перечитывать сколько угодно. «Мастер и Маргарита» - из таких. Еще я совершенно очарована Цветаевой. Ее письма, каждая строка, которая посвящена этой великой женщине, могу перечитывать бесконечно. Между прочим, если бы Цветаева стала актрисой, то непременно сыграла бы Маргариту. По своей женской сути Маргарита - это Цветаева.

- На сцене вы уже почти 50 лет. А на премьерных спектаклях волнуетесь?

- Мне моя дочка порой говорит: «Мама, когда у тебя премьера впереди или еще что-то ответственное, то ты как утюг горячий». В запале могу сказать такое... Надо ведь как-то выбрасывать из себя дурные эмоции. Японцы кукол бьют, а мы материмся от души. Я тоже могу выразиться будь здоров. Театральная жизнь, закулисная обстановка научили.

Но я никогда не позволяю себе выплескиваться на публике, при чужих, а произношу соленые словечки не с такой экспрессией, как, скажем, Виктюк. Правда, Роман Григорьевич очень отходчив, он обругает, а через минуту уже кричит тебе: «Браво!»

- Трудно ли поймать своего зрителя? Через какое время игры на сцене вы говорите себе: «Да, зритель мой?»

- Я не считаю показателем хорошей игры аплодисменты. А вот если зритель затаит дыхание вместе со мной в одно мгновение, и эта тишина будет стоять столько, сколько я захочу, вот тогда понимаю, что владею залом. Тишина - самая драгоценная реакция зрительного зала, и я люблю эти мгновения.

- За последние годы в нашей культуре произошли серьезные перемены. Сейчас, скажем, популярны сериалы, а не серьезное кино. Вы не боитесь, что скоро люди перестанут любить и театр?

- Театр уже переживал застойные времена и когда появился телевизор, и когда начали распространяться видеомагнитофоны. Театры пустели так же, как и кинозалы. Мне кажется, что театр, несмотря ни на какие синусоиды, непременно останется жив. Ведь это искусство мгновенного существования и сопереживания. В любом театре есть храмовый эффект, когда и актеры, и зрители дышат вместе и энергетически заряжают друг друга. Это невозможно испытать, сидя перед телевизором.

- Правда, иногда публика настолько увлекается игрой актера, что начинает воспринимать его как близкого человека.

- Была одна девочка, которая пятнадцать лет не давала мне прохода. Однажды, потеряв терпение, я сдала ее в милицию. Оттуда ее сразу же отправили в клинику. Оказалось, у нее не все в порядке с психикой. А бывало, люди и ломали дверь, и звонили по телефону со всякими глупостями, и лезли ко мне в почтовый ящик, требовали общения. Теперь это происходит реже. Но таковы издержки актерской профессии.

- Счастье для вас имеет какую-нибудь форму? Например, это успех. Или выражается в настроении, с которым вы просыпаетесь утром?

- Утром я просыпаюсь совершенно несчастным человеком от того, что у меня что-то болит. В мои годы это нормальное явление. Безостановочного счастья не бывает. Можно только в шутку сказать: «Для полного счастья мне не хватает того-то». Это все-таки очень фрагментарная субстанция. Вдруг ты понимаешь, что счастлив, а через несколько минут тебя подстерегает разочарование.

- В личной жизни вы были счастливы?

- Нет. У меня, конечно, были и счастливые годы. Но все в конце концов разбивалось о мою занятость.

- Вы два раза были замужем, и оба ваши брака распались. Что мешает счастью в актерских семьях?

- Есть счастливые исключения, когда люди соответствуют друг другу и по темпераменту, и по характеру и при этом либо дополняют друг друга в творчестве, либо не испытывают ревности к спеху другого, которая почти всегда разрушает отношения в творческих семьях. Но

обычно если оба востребованы, фанаты общего дела, то возникает ревность к творческим успехам друг друга. Наверное, залог стабильности актерских браков в том, чтобы один партнер поставил себя на службу другому, по существу принес себя в жертву. Это не значит расторгнуть в супруге. Надо просто быть второй половинкой того дела, которым занимается лидирующая половина.

- Значит, вы лидировали?

- Я бы так не сказала. Во всяком случае, с моим первым мужем Игорем Петровичем Владимировым мы делали одно дело и были страшно поглощены им. Но у него наступило не лучшее время режиссерской жизни - творческое топтание на месте. А если актер не делает новых работ, для него это означает творческую смерть.

Мой второй муж, актер Театра имени Ленсовета Юрий Соловьев, был талантливым актером-самоучкой. Но так как он нигде не учился, у него имелась масса проблем в работе. И то обстоятельство, что у меня всегда было все в порядке, а у него всегда не в порядке, очень действовало на наши отношения. Когда мы поняли, что стрессов больше, чем в состоянии выдержать организм, мы дружно разошлись.

- Довольно печальная история... А есть ли такой уголок на земле, где бы вы хотели прожить другую жизнь?

- Я объездила много стран мира. Пожалуй, самое ошеломляющее впечатление на меня произвела Прага. Очень люблю Англию, Лондон. Когда я туда попала, у меня появилось ощущение, что там уже жила в какой-то из прошлых жизней. Это совершенно не похожая ни на что страна. Еще совершенно замечательный город Амстердам. Он отличается какой-то сказочной красотой, игривым, спокойным городом. Как ни странно, совсем не впечатлил меня Париж - европейский перекресток. Жить бы я в нем не хотела, хотя меня никто туда и не звал.

- Что вообще вас оскорбляет, ранит, раздражает в отношениях между людьми?

- Для начала я бы убрала зависть. Она рождает очень много пороков: вор рождается от зависти, предатель - от зависти, лжец - от зависти, трус - от зависти. В конце концов, революция - от зависти.

- А от каких своих пороков вы не можете избавиться?

- Я очень много курю и очень давно не могу бросить эту вредную привычку. Я даже прибегала к иглоукальванию, гипнозу, электропунктуре, но все попытки оказались тщетными. Единственной моей победой в этой изнурительной борьбе стало то, что теперь я курю сигареты с мундштуком.

- Раньше, знаю, вы были очень общительным человеком. А сейчас?

- Когда я была моложе, в нашем доме вообще не закрывались двери. Мы жили рядом с театром, и после каждого спектакля у нас собирались актеры. Пили чай, болтали, сочиняли, придумывали. Сейчас я стала уставать, поэтому в моем доме немного друзей. Но у меня довольно часто живут мои подружки, которые приезжают из Калифорнии, Италии, Берлина, и тогда моя квартира становится гостиницей для близких людей.

- Кто теперь ваша семья?

- Двое внуков и Варварочка - единственный клубочек моей привязанности. Все, на что у меня хватает сил, - все для них. Знаете, раньше были неосвобожденные парторги, а я сейчас - неосвобожденная мама и бабушка. Вся моя любовь сосредоточена в Варваричиной семье. Они живут отдельно, что очень удобно, особенно когда внуки начинают болеть и их нужно друг от друга изолировать. Но вообще внуки у меня бывают очень часто.

- Хотели бы, чтобы они продолжили актерскую династию?

- Да, и сейчас я к ним присматриваюсь, пытаюсь понять, есть ли у них данные. Но это трудно угадать, потому что все дети - хорошие актеры.

- У Алисы Фрейндлих есть свой секрет молодости?

- Никакого секрета у меня нет. Не придерживаюсь модных диет. Правда, однажды попробовала принимать какие-то таблетки, но поняла, что потом все возвращается на круги своя, и бросила. Единственное, что меня спасает, - я много работаю, много нервничаю. А нервы, как известно, пожирают килограммы как никакая другая таблетка.

- Чего вы боитесь в этой жизни?

- Что мой ангел-хранитель, который существует между мной и Богом, перестанет мне помогать...

Беседовала
Влада ЛЕППКЕ